

РКП(б) И ПОЛЬСКАЯ ПОЛИТИКА КОМИНТЕРНА. 1919–1925 годы

© 2020 г. Н.С. Лебедева^{1*}, Н.Г. Терехова^{2**}

¹*Канд. ист. наук, реабилитированный доктор истории (Польша),
главный научный сотрудник ИВИ РАН*

²*Общество изучения наследия А. Грамши (РФ), аспирант-соискатель ИВИ РАН*

**lebedevaivi@mail.ru*

***natgenter@gmail.com*

В статье рассматривается политика РКП(б) и Коммунистического интернационала в отношении Польши в 1919–1925 гг., центральным событием которой стала советско-польская война летом 1920 г. Проанализирована также проблематика, связанная с ослаблением влияния партии, созданной Р. Люксембург.

The article considers the policy of the Russian Communist Party (Bolsheviks) and the Communist International towards Poland in 1919–1925, the central event of which was the Soviet-Polish War in the summer of 1920. The article also analyses the problematics related to the weakening of the influence of the party created by Rosa Luxemburg.

Ключевые слова: Р. Люксембург, КРПП, РКП(б), Коминтерн, мировая революция, советско-польская война 1920 г.

Keywords: Rosa Luxemburg, Communist Workers Party of Poland, Russian Communist Party (Bolsheviks), Comintern, world revolution, Soviet-Polish War of 1920.

DOI: 10.31857/S0869544X0011088-9

История польской секции Коминтерна (КИ) неизменно привлекала к себе внимание исследователей, особенно в конце 50-х и в 60-е годы XX в., когда были реабилитированы многие польские коммунисты, погибшие в сталинских застенках, и появилась возможность писать о деятельности «партии расстрелянных» [1–12]. Однако идеологическая обусловленность и цензурные ограничения наложили негативный отпечаток на эти работы. В годы перестройки появились более благоприятные возможности для объективного освещения истории Коминтерна и его секций, включая Коммунистическую партию Польши (КПП) [13–19]. Но объем источников по этой проблематике все еще оставался ограниченным, а круг историков, допущенных в святая святых — Центральный партийный архив, весьма узким.

Открытие для исследователей архива Коминтерна в 1992 г. неизмеримо расширило документальную базу исследований. Институт всеобщей истории РАН

и Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) подготовили и выпустили в свет многотомное издание документов Третьего интернационала [20–24]. Появились и отдельные статьи, посвященные теме «Коминтерн и Польша» [25–29]. Начальному этапу в деятельности КИ были посвящены общие работы [30], однако специальных исследований по истории польской секции все еще немного, притом, что количество документов, отложившихся в РГАСПИ, весьма значительно. Интерес к 20-м годам прошлого века обусловлен чередой столетних юбилеев: революционных потрясений в России 1917 г., основания Третьего интернационала в 1919 г., а также событий 1920 г., связанных с советско-польской войной или «броском на Варшаву», как ее порой называют.

Военный конфликт между молодой Советской республикой и соседним, в равной мере недавно вновь обретшим независимость государством¹, стал значимым водоразделом в истории международных и двусторонних советско-польских отношений, в военной истории и в истории Коммунистического интернационала.

Коминтерн можно считать общественной организацией лишь с большими оговорками. С момента основания в марте 1919 г. он был призван служить действенным орудием Советского государства на международной арене. И все же Третий интернационал объединил вокруг себя и многие общественные силы и организации, которые искренне стремились преобразовать мир. Когда же надежды на мировую революцию рухнули, была сделана ставка на укрепление СССР как единственного оплота коммунистического движения, притом что многие понимали антидемократический характер его общественного строя.

Как известно, Коммунистическая рабочая партия Польши (КРПП, с 1925 г. — КПП) была основана 16 декабря 1918 г. активистами левого крыла Польской социалистической партии (ППС-левицы) и партии Розы Люксембург² — Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ). В то же время в России находилась многочисленная польская диаспора, многие представители которой поддерживали большевиков: бывшие политзаключенные, освобожденные в феврале 1917 г.; мобилизованные в царскую армию поляки; возвратившиеся из Швейцарии вместе с В. И. Лениным польские революционеры и др. Они вошли в польскую секцию РКП(б), во главе которой стояло Польское бюро при ЦК РКП(б). В 1919–1920 гг. его секретарем являлся Стефан Бродовский-Братман³, член СДКПиЛ с 1903 г., один из ее руководителей в 1906–1917 гг. В январе 1918 г. он предложил создать Революционный военный совет Польши для подготовки восстания польских рабочих и координации поддержки России [20. С. 128–129].

КРПП же была тесно связана с германскими левыми социал-демократами (спартаковцами) [29. Р. 81–88]. В официально оформившуюся в 1916 г. группу «Интернационал» наряду с Карлом Либкнехтом⁴, Розой Люксембург, Фран-

¹ Польское государство было восстановлено в ноябре 1918 г. и получило название Вторая Речь Посполитая или Польская Республика.

² Люксембург Роза (1871–1919) — уроженка Польши, видный теоретик марксизма, экономист, публицист, стояла у истоков революционной польской социал-демократии, влиятельный деятель германского и польского рабочего движения, активно выступала с антивоенных позиций, для чего организовала «Союз Спартака».

³ Братман-Бродовский Стефан (1880–1937) — участник революции и Гражданской войны, впоследствии советский дипломат. Арестован в июле 1937 г., вскоре расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

⁴ Либкнехт Карл (1871–1919) — адвокат, выступал защитником российских революционеров на судебных процессах в Германии. Один из вождей левого крыла немецкой социал-демократии, основатель СДПГ. Ярko и последовательно выступал с антимилитаристских позиций, в декабре 1914 г. стал единственным депутатом Рейхстага, голосовавшим против военных кредитов. Был убит во время подавления восстания, организованного «Союзом Спартака».

цем Мерингом входили Юлиан Мархлевский⁵, Лео Йогихес (Тышка) и другие польские революционеры. Именно эта группа сформулировала цель создания нового социалистического интернационала и определила его задачи.

В ноябре 1918 г. разразилась революция в Германии и Австро-Венгрии, в конце декабря была создана Компартия Германии (КПГ). Задача объединения усилий революционных сил разных стран стояла достаточно остро. Тем не менее оставались и сомнения, поскольку кроме РКП(б), КПГ и КРПП сложившихся компартий было очень мало. Роза Люксембург направила в Москву программный манифест «Что хочет “Союз Спартака”?». В ее «Рукописи о русской революции», написанной осенью 1918 г. в тюрьме, выражалось несогласие с большевиками, прежде всего по вопросу о демократии [32. С. 341]. Ограничение свободы неизбежно приведет к затуханию жизни в советах, бюрократизированию власти и одичанию общества, считала она.

После гибели Розы Люксембург, Карла Либкнехта и Лео Йогихеса лидеры РКП(б) полагали, что главные их оппоненты, способные воспрепятствовать установлению полного контроля большевиков над будущей международной организацией, исчезли с политической сцены. Однако взгляды этих выдающихся деятелей разделяли такие руководители КПГ, как Клара Цеткин⁶, Пауль Леви⁷, Генрих Брандлер, а также лидеры КРПП Мария Кошутская (Вера Костшева)⁸, Адольф Варский⁹, Юлиан Мархлевский, Хенрик Лауер-Бранд, Эдвард Прухняк¹⁰, Хенрик Валецкий¹¹ и др. Они вслед за Р. Люксембург и Л. Йогихесом выражали определенные сомнения в своевременности создания Коммунистического Интернационала и пребывания его в Москве под опекой РКП(б).

В то же время большинство бывших членов СДКПиЛ и членов польской секции РКП(б) ратовали за скорейшее создание Третьего интернационала. С. Петковский, Ю. Лешинский (Ленский), С. Бобинский были в числе организаторов так называемого Малого интернационала [7. С. 390–391]. Руководству КРПП, в свою очередь, приходилось считаться с тем, что основные финансовые средства поступали для их партии от ЦК РКП(б). В результате оно поддержало предложение В. И. Ленина о создании Коминтерна. Председатель заграничного бюро КРПП Ю. Мархлевский принял в январе 1919 г. участие в совещании по созыву

⁵ Мархлевский Юлиан (1866–1925) — революционер, организатор КИ и МОПРа.

⁶ Цеткин Клара (1857–1933) — известный деятель международного коммунистического движения, входила в число основателей КПГ, активистка борьбы за права женщин, депутат Рейхстага с 1920 г. После прихода Гитлера к власти эмигрировала в СССР, где вскоре умерла.

⁷ Леви Пауль (1883–1930) — адвокат, один из руководителей группы «Спартак», принимал участие в организации возвращения в Россию В. И. Ленина с соратниками в 1917 г. Глава КПГ с 1919 по 1921 г., протестовал против «наступательной стратегии» КИ. Во время съезда Социалистической партии Италии, на который он был послан в январе 1921 г. в качестве представителя Коминтерна, стал свидетелем исторического раскола, приведшего к учреждению компартии Италии, в связи с чем в ИККИ им была направлена критическая записка. Зачастую проявлял независимость взглядов, что привело к его исключению из партии.

⁸ Кошутская Мария (Костшева Вера) (1876–1939) — учительница, деятель польского рабочего движения, теоретик и руководитель КПП, с 1929 г. жила в СССР, в августе 1937 г. арестована, погибла в тюрьме. Реабилитирована в 1956 г.

⁹ Варский Адольф (1868–1937) — организатор Союза польских рабочих, один из создателей СДКПиЛ. В 1926 г. избран в Сейм от КПП. С 1929 г. проживал в СССР, в 1937 г. арестован и расстрелян.

¹⁰ Прухняк Эдвард (1888–1937) — слушатель ленинской школы в Лонжюмо, участник Февральской и Октябрьской революций, член ЦК компартии Польши, член Президиума ИККИ. Арестован в мае 1937, через два месяца расстрелян в Лефортовской тюрьме. Реабилитирован в 1957 г.

¹¹ Валецкий Хенрик (1872–1937) — член ЦК КРПП, проживал в СССР, член Интернациональной контрольной комиссии КИ, редактировал журнал «Коммунистический Интернационал». В июне 1937 г. арестован, приговорен к расстрелу. Реабилитирован в 1956 г.

учредительного конгресса Коминтерна. Его подпись под воззванием совещания «К первому съезду Коммунистического Интернационала» стоит непосредственно за подписью Ленина. В воззвании указывалось: «Нижеподписавшиеся партии и организации считают настоятельно необходимым созыв первого конгресса нового, революционного Интернационала» [20. С. 83–90]. Представитель же КПГ это воззвание не подписал. Более того, Гуго Эберлейн (Макс Альберт)¹² прибыл на учредительный конгресс новой международной организации с предписанием ЦК КПГ возражать против незамедлительного основания Коминтерна. В связи с этим открывшийся 2 марта 1919 г. в Москве форум решено было считать конференцией. ЦК КРПП же предоставило Иосифу Уншлихту¹³, будущему заместителю Феликса Дзержинского по ВЧК, право представлять его на учредительном конгрессе КИ. Делегат от КРПП, как и представители ряда других стран, поддержал предложение Ленина о незамедлительном создании Третьего интернационала и помог убедить Эберлейна воздержаться при голосовании за данное предложение. Это позволило объявить конференцию Первым конгрессом Коминтерна, принять Манифест «К пролетариям всего мира» и другие документы [20. С. 105–113; 31. Ф. 488. Оп. 1. Д. 5а. Л. 40–46; 34. С. 21–216].

В июне 1919 г. ЦК КРПП сообщил в Москву о принятом им решении присоединиться к Коминтерну [31. Ф. 466. Оп. 1. Д. 3. Л. 19; 35. С. 701]. Однако за год существования КРПП не смогла стать сколько-нибудь влиятельной силой в своей стране, продолжая действовать в глубоком подполье и оставаясь, по существу, узкой сектой. Об этом, в частности, свидетельствовало письмо ЦК КРПП в ЦК РКП(б) от 14 января 1920 г. В нем сообщалось о разрухе в стране, полицейском терроре, массовых арестах членов КРПП, включая четырех членов ЦК и около 200 ее функционеров. В ЦК партии в стране работали лишь семь человек, в подпольной типографии – 13. Продолжали действовать 16 городских организаций, в сельской местности – 16 окружных и 84 уездных. 241 человек получали жалование из бюджетных средств партии, которые составляли 855 тыс. марок на год [31. Ф. 17. Оп. 86. Д. 210. Л. 6–8]. Из этого и ряда других сообщений явствовало, что ни о каком революционном выступлении масс в Польше в обозримом будущем речь идти не могла, и единственным средством установить там власть коммунистов является «красная интервенция», в частности, об этом шла речь в записке С. Бродовского о положении в Польше и Восточной Галиции [20. С. 163–166].

Этот путь представлялся руководителям Коминтерна и Советского государства весьма заманчивым и потому, что Польша, с их точки зрения, могла быть либо мостом, либо баррикадой для будущей пролетарской революции в Германии, пролога мировой революции. Презумпция революционной целесообразности главенствовала в их сознании над международным правом, отвергавшимся как классово чуждое, буржуазное. Это касалось и финансирования подрывной работы, в том числе в польской армии. 27 февраля 1920 г. в докладе Польского бюро при ЦК РКП(б) предлагалось «усилить до последней

¹² Эберлейн Гуго (1887–1941) – один из основателей КПГ и Коминтерна, близкий и доверенный человек В. И. Ленина. Участник конгрессов КИ, депутат ландтага Пруссии, в 1933 г. бежал во Францию. В 1937 г. был вызван в Москву, арестован, приговорен к 15 годам лагерей, расстрелян в октябре 1941 г. В 1956 г. реабилитирован.

¹³ Уншлихт Иосиф (1870–1938) – член СДКП и ВКП(б), в 1917 г. член Петроградского ВРК, с 1921 г. – заместитель председателя ВЧК – ГПУ Ф. Э. Дзержинского. Занимал ряд высоких должностей в советских военных органах, начальник Главного управления воздушного флота, организовал ряд добровольных оборонных обществ, среди которых самым массовым был ОСОАВИАХИМ. В июне 1937 г. арестован, обвинен в принадлежности к контрреволюционной «Польской организации войсковой» (ПОВ). Год спустя расстрелян на полигоне «Коммунарка». В 1956 г. реабилитирован.

возможности» революционную агитацию в польской армии, особенно через КРПП. «Нам известно, что они страдают от недостатка средств. Необходимо послать им деньги по возможности скорее. Дорога через фронт очень опасна (деньги часто пропадают) и длительна. Необходимо использовать дорогу через Германию», — указывалось в этом документе. [31. Ф. 17. Оп. 86. Д. 210. Л. 5].

На открывшейся 3 мая 1920 г. первой конференции КРПП рассматривался вопрос об отношении к парламентаризму и участию в выборах в сейм, которыми долгое время пренебрегали. Конференция приняла резолюцию в связи с наступлением польской армии на Украине, указав на необходимость выступить на защиту Советской России от посягательств польского и международного империализма. Подчеркивалось, что образование в Польше республики Советов рабочих депутатов соответствует коренным интересам трудящихся [7. С. 394]. В середине мая Исполком ЦК КРПП назначил Ю. Мархлевского представителем партии в Коминтерне.

Руководство КРПП надеялось, что Красной армии удастся прорвать польский фронт, нанести поражение польской армии, что создаст благоприятные условия для восстания в тылу и захвата власти коммунистами. Выдавая желаемое за действительное, оно сообщало в Москву, что в Галиции крестьяне ждут прихода Красной армии как спасителя [20. С. 172]. В то же время ЦК КРПП предупреждал Москву, что наступление следует предпринимать лишь в том случае, если можно рассчитывать на успех. Рекомендовалось не переходить границу этнической Польши, поскольку это, несомненно, вызовет новый бурный всплеск национализма не только среди крестьян, но и у значительной части рабочих. В этом случае «коммунизму на многие годы был бы нанесен тяжелейший удар» [19. С. 17]. Этот прогноз оказался пророческим, но им пренебрегли.

Несмотря на падение советских республик в Баварии и Венгрии и ослабление активности пролетарских масс в Центральной Европе, к середине 1920 г. революционный энтузиазм буквально захлестнул Коминтерн и его секции, включая КРПП. Руководители Коминтерна и Политбюро ЦК РКП(б), стремясь «прощупать красноармейским штыком» Польшу, и не только ее, не ограничились изгнанием польских войск из пределов Украины, отдав приказ двигаться на Варшаву. 12 июля В. И. Ленин писал И. С. Уншлихту: «Польские армии совершенно разваливаются». Позднее, выступая в сентябре 1920 г. с отчетом на IX конференции РКП(б), В. И. Ленин рассказывал: «Мы решили использовать наши военные силы, чтобы помочь советизации Польши [...]. Мы сформулировали это не в официальной резолюции, записанной в протоколе ЦК [...]. Но между собой мы говорили, что мы должны штыками пощупать: не созрела ли социальная революция пролетариата в Польше?» [20. С. 198]¹⁴.

¹⁴ Отвечая на данное высказывание Ленина, член ЦК РКП(б) и ИККИ К. Радек заметил: «Теперь т. Ленин показывает новый метод собирания информации: не зная, что делается в данной стране, он посылает туда армию. Я спрашиваю, товарищи, неужели у нас нет других методов, при помощи которых мы могли бы получить те же самые результаты в смысле ознакомления с положением в стране? Владимир Ильич доказывал, что мы узнали о положении в Германии и Англии при помощи щупанья штыками. Если бы Владимир Ильич имел больше времени, чтобы читать иностранные газеты, то он и без штыка узнал бы, что в Германии корниловцы за нас [...] В основе нашей ошибки лежала переоценка зрелости революции в Центральной Европе» [20. С. 202–203]. Радек Карл (1885–1939) — род. во Львове, вырос в Польше. С 1902 г. — социалист, примыкал к левому крылу СДПГ, после ссоры с Р. Люксембург исключен из партии. Эмигрировал в Швейцарию. После Октябрьской революции прибыл в Петроград, где возглавил Отдел внешних сношений ВЦИК. Участвовал в работе учредительного съезда КПП. Считал, что ни в Германии, ни во Франции, ни в Англии пролетариат не стоял накануне революции, полагал несвоевременным это вторжение Красной армии в Польшу.

Днем ранее, 11 июля, министр иностранных дел Великобритании лорд Керзон направил советскому правительству ноту, в которой требовал остановить наступление Красной армии за линию Гродно — Яловка — Немиров — Брест-Литовск — Дорогуск — Устилуг, заключить перемирие с Польшей, которая отведет свои войска за эту линию. На следующий день Ленин информировал Сталина, Уншлихта и ряд других лиц об этой ноте и предложил ускорить «бешеное усиление наступления» [36. С. 237–238; 37. С. 378].

13 июля Сталин в ответной телеграмме сообщил, что польские армии совершенно разваливаются и от полного распада поляки не скоро оправятся. «Вы совершенно правы, говоря, что у нас хотят вырвать из рук победу [...]. Я думаю, что никогда не был империализм так слаб, как теперь, в момент поражения Польши, и никогда не были мы так сильны, как теперь, поэтому, чем тверже будем вести себя, тем лучше будет и для России, и для международной революции», — писал он [39. С. 142, 143].

15 июля ответ Ленину направил и Уншлихт, возглавлявший Реввоенсовет Литовско-Белорусской республики и одновременно являвшийся членом РВС Западного фронта. Его предложения не исключали переговоров в Лондоне. На случай, если ко времени подхода к «линии Керзона» договоренности достигнуты не будут, а восстания трудящихся Польши не произойдет, он полагал, что Красная армия должна будет продолжить наступление на территории Польши, вооружая рабочих и батраков, создать временный военно-революционный комитет и провозгласить уничтожение помещичьей собственности и национализацию фабрик. «Дальнейшее пребывание наше в Польше обуславливаем волей рабочих и крестьян», — указывалось в его письме [39. С. 144–145]. Состоявшийся в Москве пленум ЦК РКП(б) 16 июля принял решение отвергнуть посредничество Англии и продолжить наступление Западного фронта по территории Польши.

На втором конгрессе Коминтерна (19 июля — 7 августа 1920 г.) верх взяли левые настроения, хотя, готовя его, Ленин и намеревался предотвратить обострение «детской болезни левизны в коммунизме» [40]. Лево́й ориентации придерживался и возглавлявший ЦК КРПП В. Ковальский-Гжех. Эта точка зрения нашла отражение в подробных инструкциях, направленных польской делегации на конгрессе. В кулуарах данного форума висела карта военных действий в Польше, по которой делегаты следили за стремительным продвижением красных частей. В решениях конгресса указывалось, что задача Коммунистического интернационала «состоит теперь в том, чтобы ускорять революцию» [20. С. 17]. Хотя вопрос о переходе Красной армией границ Польши конгресс Коминтерна не рассматривал, принятые им резолюции укрепили позиции тех, кто выступал за советизацию не только Польши, но и Германии, Финляндии, Италии, Венгрии, Чехии, Румынии, а также высказывался за создание конфедерации из советизированных стран [20. С. 182–184]. В дни работы международного форума 23 июля 1920 г. Ленин уже со всей определенностью писал Сталину в Харьков: «Положение в Коминтерне превосходное. Зиновьев, Бухарин, а также и я думаем, что следовало бы поощрить революцию тотчас в Италии. Мое личное мнение, что для этого надо советизировать Венгрию, а может быть также Чехию и Румынию. Надо обдумать внимательно. Сообщите ваше подробное заключение» [33. С. 35]¹⁵.

¹⁵ См. также письмо В. И. Ленина И. Уншлихту от 12 июля [23. С. 53–54].

На следующий же день Сталин направил Ленину свои соображения. Он писал: «Теперь, когда мы имеем побежденную Польшу и более или менее сносную Красную Армию, когда, с другой стороны, Антанта добивается передышки в пользу Польши [...], — в такой момент и при таких перспективах было бы грешно не поощрить революцию в Италии. [...] Мы можем теперь и должны вести политику наступления, если мы хотим сохранить за собой инициативу во внешних делах, которую мы завоевали недавно. Поэтому на очередь дня Коминтерна нужно поставить вопрос организации восстания в Италии и в таких еще не окрепших государствах, как Венгрия, Чехия (Румынию придется разбить)» [31. Ф. 558. Оп. 1. Д. 551. Л. 3—4; 39. С. 148].

30 июля 1920 г. в Белостоке был создан Временный революционный комитет Польши, в который вошли Ф. Дзержинский, Ю. Мархлевский, Ф. Кон¹⁶ и др. В его задачу входили установление власти на территории, занятой Красной армией, и издание декретов, которые бы содействовали советизации Польши. Однако в середине августа после перехода польской армии в наступление пришло отрезвление. Патриотический подъем в стране привел к молниеносному разгрому Красной армии и пленению более 100 тыс. красноармейцев [41].

В самой Польше начались массовые аресты коммунистов и сочувствующих им, роспуск левых профсоюзов. «По всем данным события застигли партию врасплох», — писал 5 августа Дзержинский Ленину. Он указал, что за р. Нарев отношение населения к Красной армии крайне враждебное, крестьяне угоняют скот, лошадей. На занятых красноармейцами территориях фабрики стоят, снабжение армии и рабочих городов наладить не удалось [31. Ф. 17. Оп. 86. Д. 210. Л. 17]. 11 августа он же информировал Л. Троцкого и ЦК РКП(б) о том, что вся военная сила Белостока и округа состоит из 70 человек. Единственный отряд, находившийся там, накануне был отправлен на фронт. Дзержинский потребовал в срочном порядке отправить для охраны Польшевкома батальон ВЧК [31. Ф. 17. Оп. 86. Д. 210. Л. 21]. Тем не менее, надеясь на изменение военной ситуации к лучшему, 17 августа он советовал Ленину затягивать переговоры с поляками, направив к ним опытного дипломата А. А. Иоффе [31. Ф. 17. Д. 210. Оп. 86. Л. 26.]¹⁷.

Председатель ВЧК полагал, что одной из причин того, что крестьянство не оказало поддержки коммунистам, стали ошибки в аграрной политике партии. 7 сентября комиссия ИККИ в составе Ю. Мархлевского, Н. И. Бухарина и И. И. Скворцова-Степанова утвердила тезисы по аграрной политике. В них предлагалось экспроприировать помещичьи земли, передав их в ведение фольварочных комитетов, убедить крестьян, что их земли — это неприкосновенная их собственность, не призывать **пока** к разделу земель богатых крестьян [31. Ф. 17. Оп. 86. Д. 210. Л. 27—29] (выделено нами. — *Н.Л., Н.Т.*). Дзержинский же считал, что помещичьи земли надо отдать крестьянам, чтобы обеспечить их поддержку новой власти.

¹⁶ Кон Феликс (1864—1941) — польский революционер, был сослан в Сибирь, долго жил в Иркутске, Минусинске, Туве, где занимался этнографическими и антропологическими исследованиями коренных народностей. С 1907 по 1917 г. — в эмиграции в Швейцарии. Вернулся в Россию вместе с Лениным. Комиссар Харьковской губернии по польским делам, член коллегии польского бюро при ЦК РКП(б), член Польшевкома, сменил В. М. Молотова на посту председателя ЦК КП Украины, от имени СССР им подписан первый мирный договор. Летом 1922 г. участвовал в показательном процессе над социалистами-революционерами в Москве. Возглавлял газеты «Красная звезда», журнал «Мурзилка», затем занимал должность заведующего сектором искусств Наркомпроса, был первым председателем Всесоюзного комитета по радиовещанию. Скончался во время эвакуации из Москвы.

¹⁷ См. также пункт 1 протокола Политбюро ЦК РКП(б) от 10 августа 1920 г. «О Польше» [23. С. 57].

Польская кампания Красной армии нанесла колоссальный урон идее мировой революции, усилила неприязнь и недоверие подавляющего большинства поляков к ее восточному соседу [42]. IX конференция РКП(б) признала военные и иные ошибки, но не подвергла сомнению необходимость идти с оружием в руках, чтобы «помочь» польским и другим рабочим установить рабоче-крестьянскую власть. Не желая признать в корне неправильной политику в отношении Польши летом 1920 г., Сталин, Ленин, Троцкий, Каменев пытались взвалить ответственность друг на друга, а также на несознательность польских рабочих, на бездействие КРПП. К. Ворошилов писал С. Орджоникидзе о жестоких боях с «проклятой темной Польшей», подчеркивая, что совершенно сознательно употребил это выражение. «Мы ждали от польских рабочих и крестьян восстаний и революции, а получили шовинизм и тупую ненависть к “русским”», — указал он [39. С. 156]. «Несмотря на полную неудачу первого случая, нашего первого поражения, мы еще раз и еще раз перейдем от оборонительной политики к наступательной, пока мы всех не разобьем до конца», — заявил Ленин. Его критик К. Радек, в свою очередь, считал: «Движение растет быстро. Если завтра вспыхнет революция в Италии, то она может коренным образом изменить положение в Европе. Я отнюдь не говорю, что в продолжении зимней кампании или весной перед нами не встанет ситуация, когда надо будет решительно идти напролом не для шупанья, а для того, чтобы помочь рабочей революции на Западе» [20. С. 199, 203]¹⁸.

В резолюции конференции РКП(б) от 22 сентября 1920 г. по поводу доклада представителя КРПП вопреки фактам констатировалось, что передовые рабочие Польши «вполне признали поддержку вооруженной рукой дела советизации Польши и не делали ни малейших уступок, ни национализму, ни пацифизму» [20. С. 205].

Попытки Коминтерна и его секций и в дальнейшем продолжить безоглядное наступление на мир капитала окончились полным провалом. В сентябре 1920 г. потерпело поражение движение итальянских рабочих за захват фабрик и заводов; в октябре в Румынии армия и жандармерия подавили всеобщую политическую забастовку; не достигла своих целей и всеобщая стачка в декабре в Чехословакии. В марте 1921 г. было потоплено в крови выступление рабочих в Средней Германии, в апреле захлебнулась, не достигнув своих целей, забастовка английских углекопов.

Все это лишь усилило реформистские настроения в рабочем классе, укрепило позиции партий Второго интернационала. Волна репрессий обрушилась на компартии, большинство из которых вынуждены были уйти в подполье. В Польше в тюрьмы были посажены более семи тысяч коммунистов и сочувствующих им. В этих условиях руководство РКП(б) и ИККИ разработало новую стратегию и тактику, рассчитанную не на штурм, а на длительную осаду старого мира. Для этого требовалось прежде всего завоевать большинство рабочего класса на свою сторону.

¹⁸ Бухарин же в статье «О наступательной тактике», опубликованной в декабрьском номере (№ 15) журнала «Коммунистический Интернационал», писал: «Если современная буржуазия прекрасно помогает друг другу и не гнушается принимать эту помощь, то как же интернациональный пролетариат может отказаться от вмешательства в интересах социализма и его победы? [...] С другой стороны, раз “вмешательство” уже началось (началась внешняя “советизация”) коммунистические партии обязаны ее поддержать со всей энергией. Иначе простая измена и дезертирство с поста [...]. Революция может победить только как мировая революция. Мы это твердили тысячу раз. Поэтому всякая возможность ускорить крах капитализма в других странах есть революционная необходимость».

Провал попытки советизировать Польшу с помощью Красной армии побудил и руководство КРПП приступить к более тщательной и кропотливой работе по расширению влияния в массах. На второй конференции КРПП в феврале 1921 г. впервые был поставлен вопрос о союзниках пролетариата в революции. Тем не менее ППС по-прежнему рассматривалась как агентура буржуазии в рабочем движении. У руководства партии остались В. Ковальский-Гжех, В. Дмовский и другие представители левого крыла партии. В то же время в делегацию КРПП на третьем конгрессе Коминтерна, проходившем с 22 июня по 12 июля 1921 г., вошли и сторонники борьбы за привлечение на сторону коммунизма большинства рабочего класса (А. Варский, Х. Валецкий, Э. Прухняк, Ю. Мархлевский и др.). Поражение на конгрессе сторонников «тактики наступления» тем не менее не означало торжества реального курса на сотрудничество с социал-демократическими партиями. Цель заключалась лишь в том, чтобы, проникнув в их низовые организации и профсоюзы, расположить к себе массы рабочих. Планировалось интенсифицировать работу и среди других слоев населения, прежде всего крестьянства. 3 декабря 1921 г. ИККИ, обсудив польский вопрос, предложил немедленно выпустить воззвание в связи с подготовкой польскими властями чрезвычайного закона против коммунистов [31. Ф. 495. Оп. 123. Д. 1. Л. 31].

После третьего конгресса КИ внутри КРПП продолжилась острая борьба по вопросам стратегии и тактики. Ультралевая группировка Слюсарского – Гжеха, отрицавшая необходимость использования буржуазного парламента, отвергла саму идею сотрудничества с социал-демократами, выступила против НЭПа в Советской России. И все же вопреки ей в начале 1922 г. ЦК КРПП одобрил в принципе тезисы ИККИ о тактике единого фронта, но выступил категорически против каких-либо переговоров и соглашений с ППС и другими партиями социал-демократического толка [31. Ф. 461. Оп. 1. Д. 32958. Л. 804–807]¹⁹.

Вновь вопрос обсуждался на третьей конференции КРПП в апреле 1922 г. На этот раз коммунисты несколько изменили абсолютно негативное отношение к возможности сотрудничества с другими политическими партиями рабочего класса. По их инициативе 1 мая в ряде промышленных центров были проведены совместно с ППС демонстрации рабочих в поддержку единого фронта и решений Берлинской конференции исполкомов трех Интернационалов. Вскоре после этого «левые» обратились в ИККИ с обвинением ЦК КРПП в оппортунизме. Для рассмотрения их письма на IV конгрессе Коминтерна была создана польская комиссия, в которую вошли Христо Кабакчиев²⁰, Евгений Варга²¹, Иосиф Уншлихт, Карл Радек, Отто Куусинен. Они отвергли обвинения «левых» как не подтвержденные фактами из деятельности ЦК КРПП и противоречащие

¹⁹ См. также резолюцию конференции КРПП об отношении к парламентаризму и участию в выборах в сейм (ранее 13 сентября 1921 г.) [31. Ф. 495. Оп. 123. Д. 6. Л. 20–24]. Валецкий и Мархлевский были назначены представителями КРПП в ИККИ и в Исполком Профинтерна [31. Ф. 495. Оп. Д.1. Л. 69].

²⁰ Кабакчиев Христо (1878–1940) – историк, журналист, член партии «тесных социалистов», секретарь Болгарской коммунистической партии. В январе 1921 г. КИ направил его для участия в съезде Социалистической партии Италии (именно тогда коммунистическая фракция образовала ИКП). Участвовал в Сентябрьском восстании 1923 г. в Болгарии, был арестован. После освобождения с 1927 г. проживал в СССР, работал в Институте марксизма-ленинизма, в Институте истории АН СССР.

²¹ Варга Евгений (1879–1964) – член левого крыла Венгерской социал-демократической партии, экономист. После установления советской власти в Венгрии в 1919 г. стал народным комиссаром финансов. После разгрома бежал в Советский Союз, где активно участвовал в работе Коминтерна, руководитель Статистико-информационного института ИККИ в Берлине (Бюро Варги). С 1927 по 1947 г. – директор Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР.

документам. «То, что названные товарищи считают проявлением оппортунизма и ликвидаторства в политике ЦК КРПП, есть начало применения польским ЦК тактики Коминтерна [...] Критику [со стороны] тов. Слюсарского и поддерживающих его товарищей надо считать направленной против политики Коминтерна, принятой третьим и четвертым съездами», — говорилось в решении комиссии [31. Ф. 492. Оп. 1. Д. 264. Л. 40–43]²². После августовского отчета о состоянии дел в КРПП Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение ассигновать польской компартии 50 тыс. золотых рублей в валюте [31. Ф. 495. Оп. 123. Д. 6. Л. 9–19; Ф. 558. Оп. 2. Д. 40. Л. 1]. 19 декабря 1922 г. ИККИ направил очередное письмо «левым», в котором снова осудил позицию Слюсарского и его сторонников как ошибочную и противоречащую позиции Коминтерна. «Тактика единого фронта, примененная в Польше, тактика единого пролетарского фронта, выработанная в период между третьим и четвертым конгрессами и подтвержденная решениями IV конгресса, является одной из важнейших задач Коммунистической партии Польши», — указывалось в нем [44. С. 246]²³.

Что же побудило ИККИ и ЦК РКП(б) на следующем, V конгрессе КИ, проходившем 17 июня — 8 июля 1924 г., обрушить на руководство КРПП буквально шквал обвинений в оппортунизме и других смертных грехах? Дело в том, что лидеры польских коммунистов, находившиеся в Москве, не раз занимали самостоятельную позицию, выступали против отнюдь не демократических методов Политбюро ЦК РКП(б) и председателя ИККИ Григория Зиновьева, расправлявшихся с неугодными Кремлю деятелями германской, французской, итальянской и других коммунистических партий — секций Коминтерна [45. С. 187, 188; 29. Р. 79]. Их заступничество в отношении деятелей иностранных компартий, хотя и вызывало раздражение, тем не менее не стало поводом для ожесточенных нападков на польских лидеров. 18 октября 1923 г. Сталин в связи с обсуждением на заседании Политбюро вопроса об отношении Польши и других к Германии в случае революции в этой стране написал: «Коппа задержать. Поляков изолировать. Латышей купить (и запугать). Румын купить. А с поляками подождать» [23. С. 208, 233–239].

Однако стоило последним высказаться против сталинских методов борьбы с неугодными деятелями в самой РКП(б), как последовала жесточайшая реакция. 23 декабря 1923 г. пленум ЦК КРПП направил в ИККИ и Политбюро ЦК РКП(б) письмо. В нем выражалась не только озабоченность по поводу ошибок ИККИ в германском вопросе, в том числе инспирирование им двух провалившихся путчей в 1921 и 1923 гг. в Германии, но и несогласие со сталинскими методами осуждения оппозиции в РКП(б), в первую очередь Л. Д. Троцкого. Подчеркивалось при этом, что ЦК КРПП не поддерживает политическую линию Троцкого, но считает важным отстаивать право коммунистов на дискуссию, на высказывание и иных мнений, чем те, которые выражают Сталин — Зиновьев — Каменев. Польские лидеры полагали целесообразным обсудить нездоровую ситуацию в РКП(б) на предстоящем пятом конгрессе Коминтерна [29. Р. 85].

²² См. также резолюции мартовского пленума ЦК КРПП и резолюцию от 17 ноября по поводу ареста польского депутата Рыбацкого [31. Ф. 495. Оп. 123. Л. 1–16; 41].

²³ 7 августа 1923 г. Сталин писал Зиновьеву, что не следует подталкивать КПГ к решительным действиям, ибо их разобьют. Но уже 20 сентября он считал, что «революция назрела, надо взять власть». В протоколе Политбюро от 4 октября 1923 г. уже назначался срок восстания в Германии — 9 ноября и направлялась в Германию «четверка» [23. С. 160]. Однако события развивались вопреки расчетам Сталина.

21 января 1924 г. в Президиум ИККИ было направлено заявление польской делегации в ИККИ, подписанное Эдвардом Прухняком, относительно политических тезисов ИККИ о событиях в Германии в октябре 1923 г. Признавая ошибки представителей правого крыла Компартии Германии, таких как К. Цеткин, Г. Брандлер, А. Тальгеймер, В. Пик и др., польские товарищи подчеркнули, что эти люди составляют самое старое, испытанное и закаленное ядро партии. Они выступили против их травли «левыми коммунистами»: «Травля эта нередко противоречит духу большевизма и носит демагогический характер». Определенная ответственность за октябрьский путч в Германии возлагалась и на ИККИ [31. Ф. 492. Оп. 1. Д. 263. Л. 6–9].

Выступая на пятой конференции Компартии Западной Украины (КПЗУ), Вера Костшева так объяснила намерения ЦК КРПП: «В этих письмах была высказана тревога за судьбу РКП, ввиду того характера, которая приняла дискуссия. ЦК КРПП написал письмо против заострения дискуссии, а также против того, чтобы дискуссия велась в направлении, которое могло бы сделать невозможным дальнейшее сотрудничество тов. Троцкого и тов. Радека в Коминтерне и ЦК РКП. По вопросам чисто организационным ЦК КРПП стоит на точке зрения ленинизма». Однако в решении конференция КПЗУ отметила, что ЦК КРПП занял неопределенную позицию по вопросу о дискуссии в РКП(б), «в действительности поддержав оппозицию» [31. Ф. 492. Оп. 1. Д. 264. Л. 76].

Как справедливо указал польский историк Феликс Тых, Сталин, имевший в это время все основания рассчитывать на победу в битве за ленинский «трон», опасался, как бы Коминтерн не стал независимым от Политбюро ЦК РКП(б) органом и не смог вмешиваться в его усилия добиться неограниченной власти [23. С. 233–239. 29. Р. 86]. По настоянию Сталина, на V конгрессе Коминтерна, проходившем 17 июня – 8 июля 1924 г., была создана специальная польская комиссия под его личным председательством. Она заседала с 1 по 5 июля 1924 г. [31. Ф. 492. Оп. 1. Д. 243. Л. 1–38; Д. 246. Л. 1–53; Д. 249. Л. 1–72]. Открыл ее первое заседание И. Уншлихт, который намеревался огласить резолюцию ИККИ о КРПП, чтобы задать тон дискуссии. Однако Сталин, стремясь создать впечатление беспристрастного разбирательства, предложил вначале выслушать представителей двух направлений в КРПП. От «левых» первым выступил Ю. Ленский (Лещинский), подчеркнувший, что резолюция ИККИ, которая осуждает оппортунистические ошибки КРПП, предрешила решение вопроса. Он указал, что Компартия Польши должна перестать быть барьером между революционным ленинизмом России и революционным ленинизмом Запада. Чтобы этого достичь, считал он, необходимо: 1) выправить политическую линию коммунистов Польши; 2) дать ответ на кардинальные вопросы тактики; 3) сделать так, чтобы революционная тактика проводилась не на словах, а на деле. Ленский высказался за создание здорового, большевистского хребта партии, подготовку революционных кадров и обеспечение революционного (т.е. «левого») руководства партией [31. Ф. 492. Оп. 1. Д. 243. Л. 1–14; 43].

Ленского поддержал Л. Скульский, указавший, что он и его сторонники не одобрили декабрьское и январское письма ЦК КРПП в Политбюро ЦК РКП(б) и ИККИ по русскому и германскому вопросам. На мартовском же пленуме ЦК КРПП пришел к пониманию того, что им совершена огромная политическая ошибка [31. Ф. 492. Оп. 1. Д. 243. Л. 16–25].

С обвинениями в адрес всей Компартии Польши выступили и представители Украины в ИККИ Николай Скрипник и Александр Шумский, а также ЦК КПЗУ. В заявлении Костшевой, Прухняка, Валецкого и Варского от

26 июня подчеркивалось, что они разделяют тактическую линию ИККИ, положенную в основу доклада Зиновьева, что именно эта линия проводилась компартией в Польше, что она нашла воплощение в тезисах, одобренных пленумом ЦК КРПП в марте 1924 г. [31. Ф. 492. Д. 243. Л. 34].

Нападки «левых» (Ю. Лещинского, Л. Домского, З. Осинской, Я. Дмовского, Г. Рваля) на авторов заявления стали особенно острыми еще в начале 1924 г. Рваль, в частности, писал в ИККИ в марте, что их партия стоит вместе с Г. Брандлером в лагере ликвидаторов и таким же лагерем ликвидаторства в России. «Это опасность, о которой недостаточно сигнализировать, но против которой необходимо бороться беспардонно», — подчеркнул он [31. Ф. 492. Оп. 1. Д. 243. Л. 38]. Варский, выступая на заседании польской комиссии 1 июля 1924 г., в очередной раз заявил, что они никогда не поддерживали Троцкого и всегда солидаризировались с позицией ЦК РКП(б). В то же время он напомнил о выступлениях Розы Люксембург против методов российской Октябрьской революции. Ведь она восставала против всего того, что составляло систему в большевистской революции, высказывалась против решений большевиков в национальном и аграрном вопросах, выступала против разгона Учредительного собрания, против организационной структуры партии. «И вот мы были тем, чем была Роза Люксембург, мы ее духовные дети. То, что переживала она, переживала вся наша партия», — сказал он [31. Ф. 492. Оп. 1. Д. 243. Л. 26–38]. Но именно это и не устраивало Сталина, Зиновьева и их сторонников.

Костшева в заявлении на Польской комиссии V конгресса Коминтерна поблагодарила Сталина за попытку разобраться во внутренних вопросах КПП и выявить ее больные места. Она признала, что в их работе было много недочетов, поскольку они долгое время оставались вне Польши. Но упрек в том, что они были якобы «польским отделением оппортунистической группировки или тенденций в русской и германской партиях» она назвала безосновательным. «Во-первых, что касается русского вопроса. Тут я должна прежде всего отвести раз навсегда то, что говорилось о нашей мнимой дипломатии. Если тов. Зиновьев позволил себе с трибуны Коминтерна такие выходки по отношению к нам, то это лишь доказывает, что он нас недостаточно знает, недостаточно оценивает. Как председатель Коминтерна он все-таки должен был лучше знать тех, кто долгое время руководил партией и лучше должен был их оценивать. Я не стану здесь полемизировать с утверждениями о перемене нашей ориентации и указываемых тут ее причинах, ибо я считаю вообще этот тон по отношению к нам недопустимым. Мы говорили и прежде, и теперь именно без дипломатии то, что нам диктовало глубокое убеждение. Теперь еще раз о наших разногласиях. Тов. Сталин говорил о нас как о сентиментальных людях, которые вообще боятся борьбы и которые хотят, чтобы все было шито-крыто. Плохо попали, товарищ. Кто так, как я, пережил три раскола, знает превосходно, что такое борьба в партии. Мы не раз боролись не на жизнь, а на смерть, с товарищами, которые стали для нас потом бывшими товарищами. Боролись затем без шуток и в коммунистической партии. И если тут тов. Шумский, например, заявляет, что недостаток нашей партии именно то, что у нас никогда не было острой борьбы, то это доказывает только то, что этот товарищ любит говорить о том, о чем не имеет ни малейшего представления. Мы здорово боролись прежде всего из-за аграрного вопроса». Костшева нашла в себе смелость заступиться за Троцкого, которого не считала оппортунистом, но личностью, в силу неординарности, не сумевшей усвоить большевизм. Она остановилась и на пассивности германского пролетариата. «Говорить только о вине Брандлера или Радека — это значит мешать тому, чтобы пролетариат учился на основании тяжелого опыта и сделанных ошибок.

Тот поворот, который теперь сделал Коминтерн, вполне идет по той линии, которой мы придерживаемся и которую мы наметили уже на нашем мартовском пленуме. И если тов. Молотов думает, что нам не нравится V конгресс в смысле этого выпрямления линии и сделанного тактического поворота, то он ошибается», — указала она [31. Ф. 492. Д. 258. Л. 1—9].

После Прухняка, Костшевой, Валецкого выступили Молотов и Сталин. Молотов счел нужным отделить сокрушительную критику руководства КРПП от оценки деятельности всей партии. Он указал, что Скрыпник и Шумский перешли все допустимые границы в нападках на партию в целом, и подчеркнул, что, несомненно, за последние годы партия выросла «вопреки плохому руководству». В основных тактических вопросах партия заняла более правильную политическую линию, то же касается и программных вопросов. Молотов не согласился и с критикой в адрес депутата сейма от КРПП Стефана Круликовского левым коммунистом В. Домским, указав, что выступления последнего по национальному вопросу вряд ли приемлемы для большевика. Тем самым он невольно засвидетельствовал, что замена «левых» в руководстве партией сторонниками А. Варского пошла ей на пользу [31. Ф. 492. Оп. 1. Д. 249. Л. 13—15].

Сталин же не стал прибегать к камуфляжу. Он заявил со всей категоричностью, что прения в польской комиссии установили факт, что польская партия переживает ненормальное положение, внутри нее кризис, она больна и причина ее болезни в грехах лидеров этой партии. Председатель комиссии подчеркнул, что русский вопрос имеет решающее значение для всего революционного движения как на Западе, так и на Востоке. «Почему, — задал он вопрос и сам ответил, — потому что советская власть есть база, это оплот, прибежище революционного движения всего мира. И если в этой базе, то есть в СССР, власть начинает колебаться, значит, все революционное движение во всем мире должно потерпеть какой-то минус [...]. Колебание, ослабление дисциплины, разлад внутри партии, стоящей у власти, это есть колебание власти, это расшатывание основ, опоры революционного и международного движения, которое называет-ся у нас советской властью» [31. Ф. 492. Оп. 1. Д. 249. Л. 22—25]²⁴.

Говоря о значении германского вопроса, Сталин отметил, что победа революции в Германии будет означать ее победу во всей Европе. Только Германия может взять на себя инициативу в этом отношении и революционизировать Европу. Преемник Ленина обвинил польскую, германскую, французскую и английскую партии в том, что они в перестройке революционной работы скатились на парламентские рельсы. А ведь еще совсем недавно, на III и IV конгрессах КИ делегатов подвергали жесткой критике именно за то, что их компартии не уделяли внимание завоеванию масс, не участвовали в парламентских выборах и не использовали парламенты как трибуну для агитации.

Демагогическое по сути выступление Сталина подействовало на большинство польских делегатов V конгресса Коминтерна, многие из которых были практическими работниками и слабо разбирались в вопросах большой политики. Вопреки существующему порядку Бюро ЦК КРПП по предложению Сталина было избрано лишь членами делегации, многие из которых не были членами Центрального Комитета. В результате в бюро ЦК КРПП попали только представители «левых» (В. Гржегожевский, Л. Скульский, А. Краевский, Казик,

²⁴ В. Костшева, отвечая Сталину, отвергла его обвинения. Она считала, что Троцкого надо не отталкивать, а связать с большевизмом, что для руководства РКП и Коминтерна опасны не люди, которым можно поломать кости, но те, у кого «вовсе нет костей» [31. Ф. 492. Оп. 1. Д. 258. Л. 1—9].

Беньковский). Представителем в ИККИ стал Гржегожевский, его заместителями В. Богуцкий и от КПЗУ — Недобытый.

В резолюции польской комиссии было записано: «ЦК КРПП, политически руководимый группой Варского, Костшевой и Валецкого, оказался, при всей своей революционности на словах, не способным проводить на деле революционную линию КИ. Проводимая им политика, которая лишила партию революционной боеспособности, являлась продолжением оппортунистических традиций и навыков руководящей группы ЦК, навязавшей партии свою позицию. Используя свое исключительное положение по отношению к нелегальной партии и являясь ее единственными информаторами по вопросам интернациональной политики, эти товарищи вводили партию в заблуждение относительно тактической и организационной линии Коминтерна, в частности, РКП и КПГ, дабы сделать из партии орудие правых элементов в КИ. В особенности же они скрыли перед партией действительное положение в РКП и свою деятельность в пользу оппозиции, несмотря на понимание громадной важности этого вопроса для международного рабочего движения» [31. Ф. 492. Оп. 1. Д. 249. Л. 73–74; Д. 270. Л. 6–7].

Комиссия приняла решение обратиться к КРПП с открытым письмом ИККИ «Ко всем членам партии Польши»; экстренно созвать конференцию КРПП для «выпрямления» политической линии партии в духе постановлений Коминтерна, разрешения очередных задач партии и обновления состава ее ЦК [31. Ф. 492. Оп. 1. Д. 272. Л. 1–10].

В письме ИККИ, адресованном членам КРПП и тщательно отредактированном самим Сталиным, указывалось, что группа вождей их партии бросила свое влияние на чашу весов оппозиции против РКП, а значит, и против Советской власти. «Эта группа, руководившая до сих пор деятельностью Центрального Комитета Компартии Польши, борясь с линией Коминтерна, сделала невозможной проведение на практике революционной тактики большевизма», — указывалось в этом документе [31. Ф. 558. Оп. 1. Д. 762. Л. 4; 15. С. 386]²⁵.

Видный деятель германского и международного рабочего движения Август Тальгеймер, подводя в одной из статей итоги рассмотрения V конгрессом Коминтерна польского вопроса, указал, что ЦК КРПП стоял по существу на линии ЦК РКП(б), но пытался играть роль посредника в конфликте с Троцким, Радеком и смягчить его острие. «На этой почве произошел кризис польского руководства, причем внезапно группа старейших товарищей в польском движении (Варский, Прухняк, Костшева, Валецкий), руководившие до сих пор партией, оказались оппортунистами или правыми, а остальные оказались «левыми», включая сюда заграничных товарищей из «левой» оппозиции, не имевших до сих пор никакого влияния» [31. Ф. 324. Оп. 1. Д. 588. Л. 53–54].

Чешский коммунист Карел Крейбих, в свою очередь, отмечал, что Варский, друг Розы Люксембург, Валецкий и другие до кризиса в русской партии считались лучшими коммунистами и никто не мог их даже заподозрить в оппортунизме или ставить под сомнение их верность коммунизму. «В русском вопросе они целиком одобряли конкретную линию ЦК, но пытались в конфликте между ЦК и Троцким сыграть роль посредников, улаживающих дело. Этого оказалось достаточно, чтобы удалить их как оппортунистов из ЦК польской партии, передав его целиком в руки “левых”» [31. Ф. 324. Оп. 1. Д. 588. Л. 126–127].

²⁵ 24 декабря 1924 г. была утверждена смета расходов ИККИ. В ней КПГ выделялись на год 1 млн 35 тыс. золотых рублей, Компартии Франции 600 тыс., КПП — 240 тыс., КП Италии — 180 тыс., КП Чехословакии — 90 тыс. [23. С. 286].

Чтобы избежать каких-либо осложнений с КРПП, Политбюро ЦК РКП(б) 3 января 1925 г. приняло решение создать «для руководства польской партийной конференцией» комиссию, включив в нее Дзержинского, Уншлихта, Зиновьева, Рыкова, Сталина и Бухарина. Комиссии поручалось рассмотреть все данные о состоянии движения в Польше, особенно на ее окраинах, и доложить в Политбюро [27. С. 11].

На третьем съезде КРПП, проходившем с 14 января по 5 февраля 1925 г. под бдительным присмотром учрежденной Политбюро ЦК РКП(б) комиссии, главными стали вопросы «большевизации» партии, осуждение троцкизма, тактика единого фронта, работа в деревне и национальная политика. Партия, как бы порывая с прошлым, даже изменила название, и стала именоваться Коммунистическая партия Польши.

Спустя несколько дней ИККИ обратилось в Политбюро ЦК РКП(б) с предложением наладить в Москве постоянное издание ежемесячного теоретического органа КПП, и 19 февраля 1925 г. оно было поддержано. Журнал был призван обеспечить «устойчивость теоретической линии партии», а также систематическое проведение в жизнь решений V конгресса Коминтерна и III съезда КПП [27. С. 11–12; 38. С. 273–274]²⁶. В совещательный комитет при редакции журнала были введены М. Бронский, С. Бобинский, А. Варский, В. Богущкий, Ф. Трускер, а в руководство редакции помимо представителя от КИ были представлены Ф. Э. Дзержинский и У. С. Уншлихт²⁷.

Судя по интенсивности, с которой польские вопросы рассматривались руководством партии большевиков [46], и решительным мерам, предпринятым для смещения влиятельных и принципиальных лидеров КПП, польскую секцию КИ можно по праву назвать «слабым звеном» той жесткой, забюрократизированной и весьма ресурсозатратной системы управления левыми политическими движениями в Европе, да и в мире, каким стал Коммунистический интернационал.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Коммунистическая партия Польши за антифашистский народный фронт. М., 1935.
2. *Нашковский М.* Неспokoйные дни. М., 1962.
3. *Хренов И.* Коммунистическая рабочая партия Польши на путях превращения в партию нового типа (1918–1923) // Из истории польского рабочего движения. М., 1962.
4. *Стецкевич С. М.* Рабочее движение в Польше в 1918–1919 гг. Л., 1966.
5. *Яжборовская И. С.* Коммунистическая партия Польши и идеи Октября 1918–1923. М., 1967.
6. *Яжборовская И. С.* Идейное развитие польского рабочего движения. М., 1973.
7. *Неволина В. С.* Коминтерн и революционное сотрудничество РКП(б) и КРПП (1918–1923) // СССР и Польша. Интернациональные связи — история и современность. М., 1977. Т. 1.
8. *Тыменецкая А.* Роль КПП и левых социалистических сил в борьбе за дружбу с Советским Союзом в межвоенный период. // СССР и Польша. Интернациональные связи — история и современность. М., 1977. Т. 1.

²⁶ При этом подчеркивалось: «Редакция работает под контролем ЦК КПП». 28 февраля представитель КПП в ИККИ направил письмо Сталину (копию Дзержинскому) с обоснованием необходимости обмена двух арестованных польских офицеров-марксистов на ксендза и польского дипломата с семьей, содержащихся на Лубянке. Ранее офицеры Богинский и Вечоркевич были обвинены польскими властями в организации серии взрывов и приговорены судом к смертной казни. Данная мера была заменена на 15 лет заключения. В письме от 2 апреля польский представитель в ИККИ предлагал развернуть широкую кампанию в связи с их убийством, совершенным в ходе обмена одним из конвоиров, испытывавшим чувство ненависти к коммунистам, в состоянии аффекта. В СССР событие получило широкую огласку, именами погибших были названы несколько улиц [38. С. 301; 31. Ф. 455. Оп. 123. Д. 47. Л. 5, 17].

²⁷ 15 марта 1925 г. Политбюро ЦК ВКП (б) приняло решение «О партшколе Компартии Польши» в Москве. Однако в том году партшкола была создана только во Франции.

9. *Tych F., Schumacher H.* Julian Marchlewski. Warszawa, 1966.
10. *Swietlikowa F.* Komunistyczna Partia Robotnicza Polski. Warszawa, 1968.
11. *Rechowisz P.* Konsekwenta Lewica – Komunistyczna Partia Polski. Warszawa, 1972.
12. *Kolebacz B.* Komunistyczna partia Polski. 1923–1929. Warszawa, 1984.
13. *Фирсов Ф. И.* К вопросу о тактике единого фронта в 1921–1924 гг. // Вопросы истории КПСС. 1987. № 10.
14. *Фирсов Ф. И., Яжборовская И. С.* Коминтерн и Коммунистическая партия Польши // Вопросы истории КПСС. 1988. № 12.
15. *Фирсов Ф. И., Яжборовская И. С.* Под диктовку Сталина... (О репрессиях против Коммунистической партии Польши) // Открывая новые страницы... Международные вопросы: события и люди. М., 1989.
16. *Фирсов Ф. И.* Сталин и Коминтерн // Вопросы истории, 1989. № 9.
17. *Фирсов Ф. И.* Коминтерн: опыт, традиции уроки – нерешенные задачи исследования // Коминтерн: опыт, традиции и уроки. Материалы научной конференции, посвященной 70-летию Коммунистического Интернационала. М., 1989.
18. *Фирсов Ф. И.* Партии и Коминтерн // Коммунист. 1991. № 7.
19. *Tragedia Komunistycznej Partii Polski.* Ed. Maciszewski J. Warszawa, 1989.
20. Коминтерн и идея мировой революции. Документы / Отв. ред. Я. С. Драбкин. М., 1998.
21. Коминтерн против фашизма / Отв. ред. Н. П. Комолова. М., 1999.
22. Коминтерн и Вторая мировая война. В 2 ч. / Составители, авторы вступительной статьи и комментариев Н. С. Лебедева и М. М. Наринский. М., 1994; 1998.
23. Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943 / Сост. Г. М. Адиебеков, Ж. Г. Адиебеков, Л. А. Роговая, К. К. Щириня. М., 2004.
24. *Фирсов Ф.* Секреты Коммунистического интернационала. Шифропереписка. М., 2011.
25. *Лебедева Н. С.* Коминтерн и Польша. 1939–1943 годы // Международная жизнь. 1993. № 8.
26. Польско-советская война 1919–1920 гг. Ранее неопубликованные документы и материалы / Под ред. И. Костюшко и М. Черник. М., 1994.
27. Материалы «Особой папки» Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений 1923–1944 / Ред. И. Костюшко. М., 1997.
28. *Lebiediewa N., Mitzner P.* Wyrok na odstepce // Karta. 1994. № 12.
29. *Tych F.* The KPD–KPP Political «Axis» against Zinov'ev – Stalin in the Communist International 1919–1924 // Centre and Periphery. The History of the Comintern in the Light of New Documents / Ed. by M. Narinski and J. Rojahn. Amsterdam, 1996.
30. *Ватлин А. Ю.* Коминтерн. Первые десять лет. М., 1993.
31. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Москва.
32. *Люксембург Р.* О социализме и русской революции. Избранные статьи, речи, письма. М., 1991.
33. История Коммунистического Интернационала 1919–1943. Документальные очерки / Отв. ред. А. О. Чубарьян, М., 2002.
34. Первый конгресс Коммунистического Интернационала. М., 1933.
35. Коммунистический интернационал. 1919. № 5.
36. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений (ПСС). М., 1970. Т. 51.
37. В. И. Ленин. Биографическая хроника. М., 1970. Т. 7.
38. *Ватлин А. Ю.* Коминтерн: идеи, решения, судьбы. М., 2008.
39. Большевицское руководство. Переписка. 1912–1927. Сб. документов / Сост. А. В. Квашонкин, О. В. Хлевнюк, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. М., 1996.
40. *Ватлин А. Ю.* Второй конгресс Коминтерна: точка отсчета истории мирового коммунизма. М., 2018.
41. *Матвеев Г. Ф., Матвеева В. С.,* Польский плен: Военнослужащие Красной армии в плену у поляков в 1919–1921 годах. М., 2011.
42. *Яжборовская И. С., Парсаданова В. С.* Россия и Польша. Синдром войны 1920 г. М., 2005.
43. Постановления IV всемирного конгресса Коммунистического Интернационала. Петроград, 1923.
44. *Молчанов Ю. Л.* Коминтерн: у истоков политики единого пролетарского фронта. М., 1969.
45. Пятый всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. 17 июня – 8 июля 1924 г. Стеногр. отчет. Л., 1925. Ч. 1–2.
46. *Ватлин А. Ю.* Взаимоотношения ВКП(б) и Коминтерна в 20-е годы. Автореф. докт. диссертации. М., 1998.